

А.А. Герасимова

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва

ЛИЦЕНЗИРОВАНИЕ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ ЧЕРЕЗ ГРАНИЦУ ИНФИНИТИВНОГО ОБОРОТА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Настоящая работа посвящена условиям установления зависимости между сентенциальным отрицанием и отрицательными местоимениями через границу инфинитивного оборота. Подобное взаимодействие в теоретической лингвистике принято рассматривать как лицензирование отрицательных местоимений сентенциальным отрицанием.

Цель исследования — выявить зависимость связанных с отрицанием синтаксических характеристик актантных инфинитивных оборотов от типа матричного предиката. Мы собираемся показать, что лицензирование отрицательных местоимений через границу инфинитивного оборота коррелирует с таким синтаксическим параметром, как категориальный статус инфинитивного оборота, который, в свою очередь, предположительно связан с семантическим классом матричного предиката.

1. Отрицательные местоимения

Отрицательные местоимения в русском языке допустимы только в контекстах эксплицитного отрицания. При этом они разрешены в предложениях с сопредикатным отрицанием, но не всегда допустимы при отрицании в подчиняющей пропозиции [3]. Так, отрицательные местоимения могут лицензироваться (1)-(2), но могут быть и запрещены (3)-(4):

- (1) Он, видите ли, не хотел никого обременять своим горем.
[А. Волос. Недвижимость (2000)]
- (2) Я не пытаюсь ничего истолковывать в его пути.
[А. Вознесенский. На виртуальном ветру (1998)]
- (3) ???Он не сказал ничего смотреть по телевизору.
- (4) ???Ему не нравится никого приучать к порядку.

Обратим внимание, что приведенные примеры различаются только предикатами главной клаузы, т.е. матричными предикатами. В [5: 180] матричные предикаты определяются как предикаты, в модель управления которых входят сентенциальные актанты. Как и предикатные слова с термовыми аргументами, матричные предикаты могут накладывать ограничения на способы выражения своей ситуационной валентности. В

частности, матричные предикаты бывают избирательны в отношении синтаксической категории своего зависимого.

Например, в английском языке предикаты подъема и предикаты контроля требуют инфинитивных оборотов различной синтаксической структуры. Так, инфинитивный оборот при предикатах подъема имеет размер TP (5), а при предикатах контроля – размер CP (6).

(5) He_i [_{VP} seems [_{TP} t_i [_T to sing]]]

(6) He [_{CP} wants [_{CP} PRO [_T to sing]]]].

Отличие в категориальном статусе инфинитивного оборота имеет существенные последствия для многих синтаксических процессов: возможности падежного маркирования подлежащего инфинитивного оборота, его подъема в главную клаузу, его выражения рефлексивным местоимением и т.д. В работах С. Вурмбранд [12; 13] показано, что инфинитивные конструкции могут соответствовать и меньшим по размеру синтаксическим объектам, вплоть до группы лексического глагола.

2. Категориальный статус инфинитивного оборота

Учитывая неопределенность условий, при которых отрицательные местоимения лицензируются в инфинитивном обороте, предположим, что в русском языке матричные предикаты также могут накладывать ограничения на синтаксическую категорию зависимого. Иными словами, мы предполагаем, что инфинитивные обороты в русском языке различаются количеством функциональной структуры. Более того, синтаксическая категория инфинитивного оборота, выбираемая матричным предикатом, не является идиосинкратическим свойством этого предиката, но может быть предсказана на основании его семантики. Исходя из подобных предположений, мы выдвигаем гипотезу о том, что категориальный статус инфинитивного оборота связан с семантическим типом матричного предиката.

Для проверки гипотезы нам необходимо установить размер инфинитивного оборота при различных матричных предикатах. По этой причине мы будем рассматривать только матричные предикаты, допускающие актантный инфинитивный оборот.

В их число в русском языке входят модальные предикаты (*мочь, должен*), дезидеративные предикаты (*хотеть, надеяться, желать*), аспектуальные глаголы (*начинать, переставать*), имплицативные (*пытаться, удаваться*), манипулятивные (*предлагать, заставлять*), экспериенциальные (*нравиться, рад*), предикаты (косвенного) вопроса (*знать, спрашивать*). Предикаты речи, которые также допускают инфинитивный актант,

разделим на две группы. В первую попадут предикаты субъектного контроля, такие как *обещать*, *клясться*. Во вторую группу отнесем предикаты объектного контроля, такие как *говорить/сказать*, которые, присоединяя инфинитивный оборот, сходны по смыслу с манипулятивными предикатами. Будем рассматривать морфосинтаксические характеристики этих двух типов матричных предикатов отдельно.

Также добавим в список рассматриваемых конструкций аналитическое будущее время. Очевидно, что *быть* и *стать* являются вспомогательными глаголами в аналитической конструкции будущего времени, а не матричными предикатами, имеющими семантическую валентность на ситуацию. Этот случай мы будем использовать для сравнения и верификации используемых диагностик. В данной работе мы рассмотрим две диагностики функциональной структуры инфинитивного оборота, связанные с отрицанием: допустимость проекции клаузуального отрицания и проницаемость границы инфинитивного оборота для лицензирования отрицательных местоимений.

2.1. Отрицание вложенного предиката

Оценим количество функциональной структуры в инфинитивном обороте с помощью одного из маркеров финитности, а именно отрицания. Согласно работам Т. Гивона [10], финитность есть градуальное свойство предикации. Редуцированный характер зависимой клаузы проявляется в утрате ею признаков финитности и в приобретении именных грамматических категорий в соответствии с установленными шкалами. К финитным признакам относятся в том числе маркеры ТАМ (*tense-aspect-modality* – время, вид, модальность) и отрицание. Попробуем оценить категориальный статус инфинитивного оборота, установив, возможна ли в его составе проекция отрицания NegP.

Для оценки приемлемости клаузуального отрицания в инфинитивном актанте различных матричных предикатов мы провели исследование, в цели которого входило выяснить, какая позиция отрицательной частицы *не* является предпочтительной для носителей русского языка: перед матричным предикатом или перед вложенным предикатом. Мы исходим из предположения о том, что в дереве составляющих отрицание имеет собственную проекцию, которая располагается выше проекции глагольной группы и ниже проекции клаузы. Поэтому недоступность проекции отрицания в инфинитивном обороте является одним из признаков редукции его синтаксической структуры, а предпочтение отрицания в зависимой клаузе, наоборот, может свидетельствовать о большей близости к прототипической финитной клаузе. Нами был проведен лингвистический

эксперимент, в котором участвовало 215 респондентов. Для двух наиболее частотных глаголов каждого типа было составлено два стимульных предложения (данные по частотности из [2]). В эксперименте испытуемым предлагалось выбрать, в какой позиции должно стоять отрицание, чтобы предложение звучало наиболее естественно.

Так, например, выбор производился между предложениями (7а-б), (8а-б).

- (7) а. Я не хотел болеть во взрослом возрасте.
 б. Я хотел не болеть во взрослом возрасте.
- (8) а. Экскурсовод не предлагает ходить в такие кафе.
 б. Экскурсовод предлагает не ходить в такие кафе.

По результатам опроса можем заключить следующее. Обе позиции отрицательной частицы являются в равной мере допустимыми для модальных, дезидеративных, аспектуальных, экспериенциальных предикатов и предикатов речи типа *обещать*. Для манипулятивных предикатов и предикатов речи типа *говорить* предпочтение отдается отрицанию вложенного предиката. Наконец, при предикатах имплицативных, косвенного вопроса и в конструкции аналитического будущего времени предпочтение отдавалось отрицанию перед матричным предикатом.

	Тип матричного предиката	Предпочтение отдается отрицанию перед матричным предикатом, % случаев	Предпочтение отдается отрицанию перед вложенным предикатом, % случаев
I.	Модальные	50	50
	Дезидеративные	49,7675	50,2325
	Аспектуальные	50	50
	Экспериенциальные	49,07	50,93
	Предикаты речи типа <i>обещать</i>	44,19	55,81

¹ В таблице 1 приведены процентные соотношения, поскольку для разных семантических типов матричных предикатов было опрошено различное количество носителей. В каждом случае была проведена проверка статистической значимости различий. Строки тех групп предикатов, для которых различие статистически значимо, отмечены серым цветом.

II.	Манипулятивные	9,535	90,465
	Предикаты речи типа <i>говорить</i>	32,09	67,91
III.	Импликативные	72,9075	27,0925
	Предикаты косвенного вопроса	80,115	19,885
	Аналитическая конструкция будущего времени	63,955	36,045

2.2. Ограничения на лицензирование отрицательных местоимений

Вторым направлением исследований функциональной структуры инфинитивного оборота при разных типах матричных предикатов послужили локальные ограничения, связанные с лицензированием отрицательных местоимений. Как известно, категориальные узлы выше глагольной группы могут представлять собой барьеры для установления зависимостей локального характера. Для проведения второй диагностики проанализируем ограничения на лицензирование отрицательных местоимений в русском языке. Наше предположение состоит в том, что можно оценить размер инфинитивного оборота, установив, есть ли в его составе проекции, блокирующие лицензирование отрицательных местоимений.

Для исследования таких ограничений был проведен эксперимент с участием носителей русского языка. Мы просили оценить грамматичность предложений с инфинитивными актантами с отрицательными местоимениями – дополнениями инфинитива в разных структурных позициях. Позиции были выбраны следующие. Во-первых, для оценки была выбрана позиция дополнения после вложенного предиката, которая является базовой, (9). Во-вторых, оценивалась допустимость отрицательных местоимений в позиции в начале инфинитивной клаузы, (10). Эта позиция является естественной для любых местоимений в коммуникативно нейтральных предложениях. В эту позицию отрицательные местоимения предположительно передвигаются из базовой, поскольку клитизируются. Наконец, оценивалась позиция перед матричным предикатом, куда отрицательное местоимение может подниматься, как в предложении (11):

- (9) Мужу Наташи не нравится мучить вопросами никого.
(Позиция 3)
- (10) Этот офицер не предлагал им никого предавать.
(Позиция 2)
- (11) Редактор газеты пока ничего не обещал публиковать.
(Позиция 1)

Очевидно, что распределение отрицательных местоимений по второй и третьей позициям, то есть в инфинитивном обороте, не имеет отношения к собственно лицензированию отрицательных местоимений. Оно отражает позиционное распределение местоимений и полных именных групп. Так, коммуникативно нейтральными являются предложения (12а), (13а), с местоимением перед вложенным предикатом и (12б), (13б), в которых ИГ находится в конце инфинитивного оборота.

- (12) а. На этих лекциях Вася не надеется ничего приобрести.
б. На этих лекциях Вася не надеется приобрести никаких знаний.
- (13) а. Мы не можем теперь никому звонить по телефону, только снимаем трубку, когда нам звонят.
[Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960)] [омонимия снята]
б. Без консультации с ним в Москве не начинали рыть ни одного котлована.
[Олег Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени (2008)].

Если же мы вернем местоимение в третью позицию и переместим именную группу во вторую позицию, полученные предложения перестанут быть коммуникативно нейтральными, они будут акцентно выделенными (14а-б), (15а-б):

- (14) а. На этих лекциях Вася не надеется приобрести ничего.
б. На этих лекциях Вася не надеется никаких знаний приобрести.
- (15) а. В отличие от внуков я не могу ни одной клавиши коснуться.
[Мстислав Ростропович: «Это особое ощущение, когда ни к кому не принадлежишь» (2001)]
б. Сейчас он не хотел видеть никого.
[Василь Быков. Бедные люди (1998)]

Таким образом, чтобы установить количество функциональной структуры инфинитивного оборота, достаточно проверить оценку грамматичности отрицательных местоимений в позициях 1 и 2 или, другими словами, грамматичность отрицательных местоимений в главном и зависимом предложениях.

По результатам эксперимента можем выделить группы матричных предикатов, имеющих сходное распределение оценок грамматичности. При модальных, дезидеративных, имплицативных, предикатах речи типа

обещать, предикатах будущего времени отрицательные местоимения допустимы как в главной, так и в зависимой клаузах. При аспектуальных, манипулятивных и предикатах речи типа *говорить* отрицательные местоимения допустимы только в зависимом. Наконец, в предложениях с экспериенциальными предикатами и предикатами косвенного вопроса отрицательные местоимения не лицензируются совсем.

Таблица 2. Количество респондентов, оценивших грамматичность предложений с отрицательными местоимениями в различных позициях

	Позиция	1					2				
		1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
I.	Модальные предикаты	3	9	20	13	21	13	15	28	47	97
	Дезидеративные	7	8	12	19	54	12	15	18	31	76
	Импликативные	3	1	3	18	75	4	2	12	23	111
	Предикаты речи типа <i>обещать</i>	9	11	18	28	34	15	14	10	14	23
	Аналитическая конструкция будущего времени	2	1	3	11	59	1	5	7	33	155
II.	Аспектуальные	19	13	15	11	18	49	20	21	32	79
	Манипулятивные	19	14	19	12	12	12	23	26	41	98
	Предикаты речи типа <i>говорить</i>						19	11	10	16	20
III.	Экспериенциальные	32	20	19	15	14	55	27	24	28	18
	Предикаты косвенного вопроса	48	11	8	5	4	169	21	6	3	1

3. Анализ результатов

По результатам двух диагностик оказалось возможным выделить три группы матричных предикатов. Первая группа объединяет модальные, дезидеративные, импликативные, аспектуальные, предикаты речи типа *обещать*, предикаты будущего времени. При них отрицание возможно и перед матричным предикатом, и перед вложенным, и отрицательные местоимения лицензируются в любой позиции.

Вторую группу формируют манипулятивные предикаты и предикаты речи типа *говорить*. При них предпочтение отдается отрицанию вложенного

предиката, а отрицательные местоимения лицензируются только в инфинитивной клаузе.

Наконец, в третью группу входят экспериенциальные и предикаты косвенного вопроса. При них отрицательные местоимения в инфинитивном актанте не лицензируются.

Таким образом, мы получили данные, свидетельствующие в пользу нашей гипотезы: семантический тип матричного предиката коррелирует с синтаксической структурой инфинитивного актанта. Это подтверждено проведенными диагностиками.

Следующий вопрос состоит в том, на каком основании семантические классы матричных предикатов объединяются в группы. Можно предположить, что таким основанием является тип контроля нулевого подлежащего инфинитивного оборота: матричные предикаты различаются тем, какой актант контролирует нулевое подлежащее нефинитной клаузы. Легко видеть, что первой группе соответствует субъектный тип контроля, второй — объектный, третьей — произвольный.

3.1. Параметр равно/разносубъектности

Исходя из наших наблюдений, мы предположили, что категориальный статус актантного инфинитивного оборота коррелирует не просто с семантическим типом матричного предиката, а с параметром равно/разносубъектности либо отсутствием обязательного контроля.

Подобная идея уже была высказана в статье Л. Бэбби [7]. Автор приходит к выводу, что инфинитивные актанты предикатов субъектного контроля имеют категориальный статус глагольной группы, то есть инфинитивная глагольная группа оказывается вложена в финитную в рамках одной клаузы:

(16) Он_i [_{VPi} любит [_{VPi} ездить туда]].

В то же время инфинитивные комплементы при других типах матричных предикатов имеют иной, более высокий в терминах грамматики составляющих, категориальный статус:

(17) Она [_{VP} попросила его [_S PRO_i [_{VPi} не ездить туда ночью]]].

Наше уточнение гипотезы Л. Бэбби состоит в следующем: мы не только предполагаем, что при предикатах субъектного контроля инфинитивный оборот соответствует глагольной группе, но также высказываем предположение, что при предикатах объектного контроля инфинитивный оборот имеет размер TP, а при предикатах произвольного контроля — CP.

Таким образом, при субъектном контроле все предложение представляет собой монопредикативную конструкцию, что соответствует традиционному представлению о составном глагольном сказуемом [1; 4]. Подобное представление близко понятию реструктурирующих инфинитивов С. Вурмбранд [12; 13], когда матричный глагол вместе с вложенным инфинитивом переосмысливаются как сложный предикат, а само предложение рассматривается как моноклаузальная структура.

(18) Петя [_{VP} пытается [_{VP} прочитать статью]].

В соответствии с высказанной гипотезой легко объяснить результаты второй диагностики. У предикатов субъектного контроля нет ограничений на лицензирование отрицательных местоимений, поскольку отрицательные местоимения свободно перемещаются во все позиции в рамках одной клаузы.

При объектном контроле инфинитивный оборот имеет размер TP (19). Предположим, что проекция TP не является барьером для лицензирования отрицательных местоимений, но не допускает их передвижения из зависимой клаузы в главную. Подобное ограничение касается не только отрицательных местоимений. Так, например, неграмматично предложение (20).

(19) Родители [_{VP} заставили Петю [_{TP} PRO [_{VP} пойти в школу]]].

(20) *Родители ей_i заставили Петю [_{TP} PRO [_{VP} сделать подарок t_i]].

Здесь наши предположения расходятся с гипотезой Л. Бэбби: он считает, что при предикатах объектного контроля инфинитивный оборот представляет собой CP, вследствие чего вертикальное связывание субъектной валентности вложенного предиката невозможно, и она заполняется PRO, что мы можем видеть по дательному падежу плавающих определителей (21a). Интересно, однако, что в случае объектного контроля некоторые носители русского языка допускают и согласованную с контролером форму плавающих определителей (21б). Этот факт может расцениваться как свидетельство проницаемости границы инфинитивной клаузы в такой конструкции для падежного взаимодействия, что позволяет провести аналогию между ними и ЕСМ-конструкциями, имеющими статус TP ([8: 85-87]).

(21) а. Маша просила Петю_i [_{TP} PRO [_{VP} не ходить туда одному_i]].

б. Маша просила Петю_i [_{TP} PRO [_{VP} не ходить туда одного_i]].

При произвольном контроле проекция CP инфинитивного оборота блокирует лицензирование отрицательных местоимений. Поэтому в таких предложениях отрицательные местоимения невозможны.

(22) Петя [_{VP} знает, [_{CP} где [_{TP} PRO [_{VP} спрятаться]]]].

3.2. Объяснение ограничений на отрицание вложенного предиката

В соответствии с выдвинутой гипотезой объясним действие первой диагностики, в которой мы исследовали, какая позиция частицы *не* является предпочтительной.

При предикатах объектного и произвольного контроля в инфинитивном обороте имеется проекция отрицания, как один из признаков финитности для клауз размера TP и CP. Именно это мы и увидели в результате опроса. Например, это оказалось верным для предложений (23) и (24):

(23) Лауреат премии предлагает [_{TP} PRO [_{VP} не проводить этот опасный эксперимент]].

(24) Начальник рад [_{CP} [_{TP} PRO [_{VP} не мешать продвижению сотрудника в компании]]].

При статусе инфинитивного актанта, соответствующем VP, отрицание может с равной вероятностью находиться в каждой из позиций. Так, отрицание матричного предиката (25) допустимо так же, как и отрицание вложенного предиката (26):

(25) Герой книги не хочет [_{VP} бояться за своих близких]].

(26) Герой книги хочет [_{VP} не бояться за своих близких]].

Третий вариант, когда предпочтение отдается отрицанию перед матричным предикатом, отражает реальную структуру только аналитического будущего времени, где *быть*, *стать* являются вспомогательными глаголами, (27). В остальных случаях подобное предпочтение отдается ввиду семантических и прагматических причин.

(27) Петя не [_{VP} стал [_{VP} доверять своему товарищу после случившегося]].

3.3. Категориальный статус CP

Напомним, что, согласно нашей гипотезе, предикаты произвольного контроля присоединяют инфинитивный актант категории CP. Возникает вопрос, чем это обусловлено.

Напомним, что к предикатам произвольного контроля мы относим предикаты косвенного вопроса, а также экспериенциальные предикаты. Однако на первый взгляд, неочевидно, что последние имеют только произвольный контроль. С одной стороны, экспериенциальным предикатам может приводиться в соответствие комбинация субъектного и произвольного контроля; с другой стороны — только произвольный контроль: согласно [11], если дативное подлежащее при предикатах внутреннего состояния (как *приятно*, *скучно*) опущено, в качестве экспериенцера будет выступать референт, выводимый из контекста, или обобщенный референт.

Обратимся к примерам. Произвольный контроль мы видим в предложениях (28) и (29). Здесь PRO или не обозначает никакого конкретного референта, или обозначает референта, обусловленного ситуацией. С другой стороны, субъектный контроль мы видим в предложениях (30), (31).

- (28) После перелета приятно [CP [TP PRO [VP глотнуть свежего воздуха]]].
[«Туризм и образование», 2001]
- (29) Жаль [CP [TP PRO [VP возвращаться в город]]].
[А. Варламов. Купавна, 2000]
- (30) Ему нравилось [CP [TP PRO [VP чувствовать себя сверхчеловеком]]].
[В. Токарева. Своя правда, 2002]
- (31) Всегда я рад [CP [TP PRO [VP заметить разность между Онегиным и мной]]].

Альтернативная точка зрения, однако, высказывается в работе Ф. Г. Шушурина [6]: автор считает, что субъектный контроль в таких конфигурациях должен быть переосмыслен как произвольный контроль с контекстно-обусловленным референтом.

Отметим, что произвольный контроль характерен для сентенциальных адьюнктов и клауз, стоящих в позиции номинативного стимула. Именно эти два варианта мы наблюдаем в случае экспериенциальных предикатов. При экспериенциальных предикатах типа *рад* инфинитивный оборот является сентенциальным адьюнктом. Для сентенциального сирконстанта статус CP не удивителен. Статус CP инфинитивных оборотов, стоящих в позиции номинативного стимула, то есть при предикатах типа *нравиться*, проявляется в наличии таких примеров, как (32) и (33).

- (32) Ему нравилось, что все смеются.
[А. Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью (2001)]
- (33) Его жене нравится, как гаснет свет в салоне машины.
[А. Колесников. Бублики Мондео (2002)]

Что касается предикатов косвенного вопроса, у них позиция [Срес, СР] также необходима для т.н. союзного слова.

4. Правила лицензирования отрицательных местоимений

Наконец, последний вопрос, который мы обсудим в рамках данной статьи — каков механизм лицензирования отрицательных местоимений в инфинитивном обороте в предложенном нами анализе.

Согласно идее А. Яннакиду [9], механизм лицензирования отрицательных местоимений имеет природу согласования. Предполагается, что отрицательные местоимения имеют антиверидикативные признаки, благодаря которым они согласуются с категориальными признаками сентенциального отрицания.

Заметим, однако, что локальность в лицензировании отрицательных местоимений имеет весьма своеобразную природу: отрицательные местоимения лицензируются не далее чем на расстояние одной группы ТР. Они невозможны в других, более глубоких, ТР. Так, неграмматично предложение (35), в отличие от предложения (34). В (34) для осуществления лицензирования отрицательного местоимения нужно преодолеть только одну границу ТР. В предложении (35), напротив, для установления зависимости между сентенциальным отрицанием и отрицательным местоимением, необходимо преодолеть две границы ТР, что оказывается невозможным.

(34) [TR Он не [VP убедил меня [TR PRO[VP никого вынуждать [TR PRO [VP читать этот рассказ]]]]]].

(35) *[TR Он не [VP убедил меня [TR PRO[VP вынуждать вас [TR PRO [VP ничего говорить]]]]]].

Если предположить, что сентенциальное отрицание превращает вершину Т зависимой клаузы в носитель антиверидикативных признаков, которые и создают в клаузе антиверидикативный контекст, то тогда признаки отрицательных местоимений должны были бы согласовываться с признаками вершины Т. Чтобы учесть максимальное расстояние для лицензирования отрицательных местоимений, необходимо устанавливать ограничения на «сферу влияния» оператора отрицания: он должен приписывать антиверидикативные признаки только вершине клаузы, в

которой он находится, а также вершине актантной клаузы, если такая имеется. Отсутствие такого уточнения сродни утверждению о том, что отрицание может передавать антиверидикативные признаки любым вершинам Т вне зависимости от того, насколько глубоко они расположены. Если бы гипотеза о последовательном согласовании признаков вершин Т в неуточненной формулировке была верна, в примере (35) антиверидикативный контекст последовательно распространился бы и на самую глубокую проекцию TP, и тогда в ней было бы возможно употребить отрицательное местоимение. Установка ограничений на оператор отрицания приводит к довольно сложной формулировке правил лицензирования. Поэтому описанный подход не представляется разумным.

В этой связи мы делаем вывод, что связь устанавливается напрямую между отрицанием, расположенным в главной клаузе, и отрицательным местоимением в зависимой.

Мы увидели, что одна граница TP преодолима для такого взаимодействия, две группы TP — уже нет. В то же время лицензирование отрицательных местоимений преодолевает сколько угодно вложенных друг в друга групп VP при условии, что они идут в определенном порядке. Согласно С. Вурмбранд, в этом случае они образуют реструктурированную конструкцию. Например, в (36) модальный и аспектуальный предикаты расположены в стандартном порядке, соответствующем порядку следования функциональных проекций клаузы. Благодаря этому конструкция в (36) оказывается моноклаузальной, и отрицательные местоимения в составе самого глубоко вложенного инфинитивного оборота грамматичны. В (37) матричный предикат принадлежит к семантической группе дезидеративных предикатов. Согласно Вурмбранд [12], он должен находиться в более глубокой функциональной вершине, чем та, которой соответствует модальный предикат. Однако в рассматриваемом предложении закономерность нарушается, в результате чего предложение (37) становится неграмматичным. Наконец, при вложении инфинитивного оборота — CP связь между отрицанием и отрицательным местоимением не может быть установлена, (38).

(36) Он не может начать ничего покупать.

(37) *Он не хочет мочь ничего покупать.

(38) *Оля никогда не спрашивала, как делать ничего.

Подобное соотношение напоминает локальность в терминах ранних версий Теории управления и связывания, когда синтаксические правила, такие как, например, передвижение, ограничены тем, что они действуют

только в пределах одного ограничивающего узла или двух смежных ограничивающих узлов.

Если мы примем идею о том, что категория барьера (см. [8]) допускает межъязыковую параметризацию, то для русского языка можно указать следующее. Составляющая VP не является барьером. TP является блокирующей категорией, поскольку она доминирует над составляющей VP, и ей не приписывается тета-роль. Наконец, составляющая CP является наследственным барьером, поскольку непосредственно доминирует над блокирующей категорией.

Допустим, что в русском языке вершина TP тоже является барьером. Такое предположение справедливо, поскольку, например, в русском языке, в отличие от английского или исландского, нет подъема подлежащего в главную клаузу из инфинитивных оборотов структуры TP. Тогда правило лицензирования отрицательных местоимений ограничено тем, что может пересекать не больше одного барьера. И действительно, при статусе инфинитивного оборота VP барьеры отсутствуют и происходит лицензирование отрицательных местоимений. При статусе CP между отрицанием и отрицательным местоимением оказывается два барьера (TP и CP), поэтому отрицательные местоимения не лицензируются. Если же размер инфинитивного оборота TP, барьер только один: он пропускает лицензирование отрицательных местоимений, но не допускает их передвижения в главную клаузу.

Выражаю благодарность своему научному руководителю, Екатерине Анатольевне Лютиковой, за внимание и помощь на всех этапах выполнения работы.

Библиографический список

1. Грамматика русского языка. Т. I-II. М., 1960.
2. Ляшевская О. Н., Шаров С. А., Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009
3. Падучева Е. В. Снятая утвердительность и неверидикативность. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог», Вып. 13 (20). Бекасово, 2014. М., Изд-во РГГУ, 2014, С. 489-505.
4. Русская грамматика. Под ред. Шведовой Н. Ю. Т. I-II. М., 1980.
5. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М., РГГУ, 2001, С. 180.

6. Шушурин Ф. Г. Произвольный контроль в нефинитных клаузах (на материале русского и финского языков). Дипломная работа. М., МГУ, 2015.
7. Babby L. H. Subject control as direct predication: Evidence from Russian. Formal approaches to Slavic linguistics: The Connecticut meeting, 1998, P. 17-37.
8. Chomsky, N. Barriers. Cambridge, MA: The MIT Press, 1986.
9. Giannakidou, A. N-words and negative concord. In the Blackwell Companion to Syntax, edited by Martin Everaert et al. Volume III: chapter 45, 2006. P. 327-391.
10. Givón T. Syntax: a functional-typological introduction, vol. I-II. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company, 1990
11. Say S. On the nature of dative arguments in Russian constructions with “predicatives”. Current studies in Slavic linguistics. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 2013. P: 225-246.
12. Wurmbrand, S. Infinitives. Ph.D. Dissertation, MIT, 1998.
13. Wurmbrand, S. Infinitives: Restructuring and clause structure. Mouton de Gruyter (Studies in Generative Grammar 55), 2003.